

Журнал практического психолога № 6, 2006

Научно-практический журнал
Издается с января 1996 года

Специальный выпуск:

10 лет кафедре прикладной психологии Белорусского
государственного педагогического университета

Оглавление:

Слепкова В.И. Научно-практический потенциал кафедры прикладной психологии 3

I. Семейная психология

Слепкова В.И., Жогаль Е.М. О непротиворечивости психоаналитического подхода к семье системно 10

Кравцова М.В. Влияние сиблинговых отношений на эмоциональное состояние подростков, лишенных родительского попечения 20

Фурманов И.А. Проявления психологического насилия в супружеских отношениях 27

Зайцева Т.В. Карьерная и семейная идентичность супругов 34

Степанова Л.Г. Позитивная и негативная роль гендерных стереотипов в формировании самопредела личности 39

Велента Т.Ф. Взаимосвязь структуры молодой семьи и эмоциональных отношений в расширенной семье как проблема психологического исследования 45

Якубовская А.А. Гендерная адаптация транссексуалов 48

Агейко С.В. Семейное и организационное консультирование: сходства и различия 53

Лагун И.В. Сиблинговые отношения как ресурс развития личности ребенка 58

II. Специальная психология

Слепкова В.И., Е.С., Поляков А.М. Белорусская специальная психология: перспективы и новации 61

Лавренко Т.И. Изучение объяснения эмоциональных состояний другими людьми слабовидящими младшими школьниками 76

Савилюк А.И. Динамика становления представлений о себе и одноклассниках у умственно отсталых учащихся в контексте межличностных отношений 83

Давидович А.А. Нейропсихологическая структура интеллектуальной деятельности счета в младшем школьном возрасте 90

Слепкова В.И., Жогаль Е.Л.

О НЕПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К СЕМЬЕ СИСТЕМНОМУ

В истории семейной психологии и психотерапии можно выделить две методологические парадигмы, которые подходят к познанию, объяснению семейного функционирования, соответственно, к оказанию психологической помощи семье, как альянсы, с альтернативных (диаметрально противоположных) позиций. Речь идет о психодинамическом и системном подходах к семье. Анализ их концептуальных оснований показывает, что эти два мощных направления в семейной психотерапии не только не противостоят друг другу, но и согласуются между собой, углубляя понимание процессов семейной динамики.

Понятие семейных «границ» представляет собой ключевую категорию для описания структурного и топологического аспектов семейного функционирования при рассмотрении семьи как целостной системы, имеющей свою структурную организацию. В рамках семейной системы это понятие отражает параметры отношений, разворачивающихся между составляющими элементами семьи как системы и связывающих их на различных уровнях эту систему воедино. Целостность данной системы может быть рассмотрена посредством анализа структурного, топологического (пространственного) и динамического аспектов. В свою очередь, присущий психодинамическому направлению психогенетический взгляд на личность и соответствующая реконструкция раннего развития личности, представляют собой значительную объяснительную ценность при рассмотрении процессуального аспекта семейной динамики, так как позволяют устанавливать природу и характер процессов, детерминирующих функционирование актуальных паттернов отношений партнеров в контексте их развития и становления.

Как отмечает Н.Аккерман [3], при изучении семейной динамики возникает необходимость анализа трех взаимосвязанных групп про-

Слепкова Валентина Ивановна — зав. каф. прикладной психологии, доцент, кандидат психологических наук.

Жогаль Екатерина Михайловна — преподаватель кафедры прикладной психологии.

цессов, протекающих: а) внутри индивида; б) между индивидом и членами семьи; в) в рамках основных психосоциальных паттернов семьи. Супружеская пара по аналогии с индивидом может рассматриваться как обладающая уникальной идентичностью. В каждый определенный момент времени индивид несет в себе образ личностной идентичности и идентичности собственной семьи. Идентичность семейной пары представляет собой элементы объединенной психической идентичности, представленной слоями объединенного опыта и в плоскости во взаимосогласованном и/или комплементарном ролевом поведении пары. Изучение переживаний, датированных ранними стадиями развития, а также исследование основополагающих процессов формирования психического аппарата отдельного индивида позволяет более точно оценить на уровне индивида и семьи баланс сил, predisposing к здоровью и позитивному развитию, либо к нарушению психического здоровья личности и семьи.

Таким образом, если системный подход к семье через понятие границы описывает функционирование семьи «здесь и сейчас», в горизонтальном плане, то психоаналитическая концепция «формирования психики» позволяет увидеть процесс развития способности выстраивать интра- и интериндивидуальные границы в межличностном взаимодействии со значимыми людьми.

Границы, согласно концепции С. Минухина, представляют собой «эмоциональные барьеры», которые охраняют и поддерживают целостность и автономность членов семьи, subsystem в семье и семьи в целом [5]. Они возникают в процессе функционирования семьи как результат осознаваемых и неосознаваемых правил взаимодействия между всеми членами семьи. Границы выполняют как дифференцирующую, так и связующую функции. Они, очерчивая пространства: личности, subsystem, семьи в целом, в то же время определяют паттерны интерперсональных, внутрисемейных контактов, а также взаимодействие семьи с непосредственным социальным окружением. Состояние границ характеризует степень дифференциации, эмоциональной автономности взрослых и детей в семье и способность к интеракциям, диалогу внутри семьи и вне семьи в связи с семьей. Здоровые границы одновременно выполняют функцию «размежевания» и «контактную» функцию.

Существуют внутренние — *интерперсональные* границы, границы *между subsystemами* и *внешние* границы семьи.

Интерперсональные (в терминах психоанализа «интрапсихические границы»), создавая пространство для личностного функционирования, личностной автономии и личностного роста, поддерживая и охраняя личностную уникальность и неповторимость, создают основу для признания семьей прав взрослых и детей быть самим собой, принятия различий между членами семьи. В здоровой семье межличностные границы не разрывают контакты между членами семьи. Нормальное состояние интерперсональных границ в семье помогает формировать чувство идентичности у каждого члена семьи, балансирующее с чувством принадлежности к подсистеме и к семье в целом.

В нуклеарной семье кроме индивидуальной подсистемы существуют, по крайней мере, еще три подсистемы: супружеская, родительская и детская. В случае расширенной семьи имеются еще подсистемы прародителей мужа и жены. Наличие этих подсистем и делает семью расширенной, в тоже время они могут существовать как самостоятельные семейные образования. Функции каждой подсистемы и правила взаимодействия внутри нее своеобразны. К тому же муж и жена принадлежат и функционируют в рамках двух подсистем: супружеской и родительской. Способность в реальной жизни осознанно различать роли супружеские от родительских, предоставлять детской подсистеме адекватную возрасту детей степень автономности и поддержки, свидетельствуют о здоровом состоянии границ между подсистемами семьи.

Внешние границы — границы между семьей и непосредственным социальным окружением. Они проявляются в том, как семья ведет себя с внешним окружением: родственниками, друзьями, коллегами, врачами, учителями и воспитателями детей. В случае если внешняя граница не выстроена, размыта, то семья как психологическая целостность не существует. Если граница слишком жесткая, то скудный эмоциональный, информационный обмен между семьей и социальным окружением приводит к накоплению негативных эмоциональных переживаний, напряжению во внутрисемейном взаимодействии. Здоровые *внешние границы* защищают целостность семьи, охраняют ее автономность, одновременно позволяют семье выстраивать контакты с непосредственным социальным окружением.

Согласно структурному подходу С.Минухина, границы как паттерны общения, существуют в диапазоне от запутанных (хрупких)

до *разобщенных (жестких)*. Запутанные границы слабо разделяют семейные холоны, разобщенные — ригидно размежевывают их.

При *запутанном состоянии* — границы хрупкие, слабые, легко поддающиеся нарушению. Они не справляются со своей дифференцирующей функцией. В семье с неясными, нечеткими границами существуют симбиотические отношения, отношения зависимости, превалирует стремление членов семьи к слиянию. Возникающие нарушения личностного пространства, как в физическом, так и в психологическом плане, являются обычным делом в семье с запутанными границами. Личностная автономия членов семьи нарушается в пользу необходимости принадлежать подсистеме, семье целиком. Диапазон допустимых мыслей, чувств, высказываний, действий в такой семье узок. В семье с запутанными границами один человек навязывает другим каким образом думать, как поступать, дает советы, о чем говорить, какие чувства допустимы. Любые отклонения от продиктованных норм осуждаются и подлежат наказанию. Естественно, что выход за пределы установленных правил, опровергается у «нарушителя» чувством вины, а у «оккупанта» — чувством обиды, злости, агрессии. Интрапсихической основой запутанности границ является тревога, недоверие к другому, желание контролировать и подчинять.

В тех семьях, где существует *разобщенные* границы, люди отчуждены, эмоциональные контакты между ними нарушены, доминирует дифференцирующая функция границ. В таких семьях не принято делиться мыслями, чувствами, поддерживать друг друга, советоваться друг с другом. В таком случае в динамике семейного взаимодействия энергия конкуренции оказывается сильнее энергии интеграции, центробежные силы превалируют над центростремительными: члены семьи предпочитают друзей, хобби, алкоголь и т.п. семейному общению. В такой семье не уютно, люди не доверяют друг другу.

Информативным показателем состояния границ в семье является их *гибкость*, понимаемая как способность меняться в зависимости от конкретных ситуаций, возникающих на жизненном пути каждой семьи. Важно подчеркнуть, что в конкретной семье чаще всего складываются *смешанные границы*. Это означает, что между одними членами семьи могут быть вполне здоровые границы, а в отношении с другими границы запутанные или разобщенные. Так, например, супруги могут находиться в контакте друг с другом, уважать автономность другого, но при этом, считать своим долгом держать детей под посто-

янным контролем, поддерживать их советами, ограничивать их свободу независимо от возраста и ситуации.

Нарушение границ между поколениями приводит к формированию **межпоколенных коалиций**: происходит нарушение и пересечение пространства двух или нескольких холонов.

Коалиции могут быть **явными и скрытыми**. В случае скрытых коалиций нарушение границ в семье, возникновение «секретов» и «сговоров» может не осознаваться или сознательно утаиваться. Однако, их существование патологизирует семью, нарушает ее психическое здоровье, поскольку любая коалиция — это объединение одних членов семьи против «Другого» или «Других».

В таблице 1 представлены виды устанавливаемых в семье границ и соответствующие им типы функционирования.

Таблица 1. Виды устанавливаемых в супружеской паре границ и соответствующие им типы функционирования.

Виды границ	Патологическое функционирование	Нормальное функционирование	Патологическое функционирование («симбиоз»)
Интрадидные («внутренние») границы	ригидные	четкие, но проницаемые	диффузные
Экстрадидные («внешние») границы	диффузные	четкие, но проницаемые	ригидные

Таким образом, показателем психического здоровья семьи является наличие четких, гибких и проницаемых границ, сохраняющих автономность каждого человека, каждой subsystemы и семьи в целом. Подобного рода границы одновременно предоставляют возможность для межличностных контактов как внутри семьи, так и за ее пределами. К нарушению функционирования приводят диффузное состояние границ, их ригидность.

Психоаналитическая концепция «формирования психики» позволяет проследить процесс развития способности выстраивать интра- и интериндивидуальные границы в рамках межличностных взаимодействий со значимыми людьми.

Так, в контексте психоаналитических теорий объектных отношений представления о мотивации, развитии, структурных и клинических особенностях связаны, прежде всего, с понятиями интернализации, структурирования и клинического воспроизведения самых ранних объектных отношений между двумя индивидами. Психоаналитическая концепция «психической структуры» рассматривается как непосредственно имеющая отношение к возникновению, развитию и переживанию психического опыта индивида. Человеческая психика рассматривается как всецело субъективная и основанная на индивидуальном, уникальном опыте — все психическое считается представленным на некотором субъективном уровне переживания. Признание существования интернализованного пространства объектных отношений является предпосылкой концептуального осмысления деятельности психического аппарата. Понятие интернализации не может быть применено к области человеческого опыта до тех пор, пока не существует эмпирического различия между репрезентациями, которым придается качество внутренних, и репрезентациями, которым придается качество внешних. Как эмпирическая трансакция, интернализация может начаться лишь тогда, когда установится первичная **дифференцированность** между Собственным Я и объектом: то, что раньше воспринималось как принадлежащее объекту, станет испытываемым внутри Собственного Я или включенным в него (Tahka, 1984). Уровень организации этого первичного переживания Собственного Я крайне низок и лишь постепенно сообщается разнородностью представлений, требуемых для появления более детальных и прочных образов Собственного Я. Эти более продвинутые образы Собственного Я, которые в норме развиваются в переживание идентичности или константности Собственного Я, обычно относят к тому моменту, когда репрезентации Собственного Я уже обозначаются как понимание, которое имеет субъект о собственной личности (Schafer, 1968).

Следовательно, Собственное Я представляет собой функционирующую структурную организацию, посредством которой индивид имеет возможность воспринимать себя как существующего и живущего в такой же мере, как и наблюдать эмпирически отдельный внешний мир, взаимодействовать с ним. В таком случае Собственное Я обозначает постоянно расширяющегося и дифференцирующегося воспринимающего субъекта с изменяющимися по точности и определенности образами себя и объекта, а также с относящимися к Собственному Я функ-

циями, которые или предшествуют образованию Собственного Я, или приобретаются через процессы интернализации.

После первичной дифференциации, при наличии достаточно благоприятных и безопасных условий, у ребенка начинается период функциональных селективных идентификаций, в ходе которых он все в большей мере овладевает теми или иными функциями объекта, и в этом отношении становится независим от ухаживающего за ним лица. Однако для того, чтобы та или иная функция стала эмоционально значимой для ребенка, необходимо эмоциональное отзеркаливание со стороны социального окружения (в нашей культуре обычно со стороны матери), которое становится для ребенка источником его вторичного нарциссизма. Таким образом, функционально-селективная идентификация предстает двухфазным процессом, включающим как первоначальную идентификацию ребенка с функцией объекта, так и его последующую идентификацию со способом объекта отзеркаливать ребенка как обладателя и исполнителя этой функции. Результатом множества функционально-селективных идентификаций приблизительно на третьем году жизни становится рождение индивидуальности ребенка с особым внутренним миром, то есть открытие им своей «отделенности», «отграниченности» от других людей. Параллельно происходит открытие объектов как индивидуальностей с их собственным внутренним миром. Однако до установления такой интеграции и рождения индивидуального объекта, отношение к объекту может быть только исключительно эксплуатирующим. Благодарность, любознательность, стремление к персоне не могут испытываться в этой связи, ибо, как считает В.Тэхкэ, «хотя функциональный объект является пространственно отдельным индивидом, он еще не может переживаться ребенком в качестве независимого человека с собственной жизнью и собственным внутренним миром, который возбуждал бы в ребенке интерес и любопытство, а также такие эмоциональные отклики, как благодарность, триадную ревность и стремление к отдельному человеку» [2, с. 347]. Любовь к другому человеку, по мнению В.Тэхкэ, становится возможной только когда она или он воспринимаются как индивидуальности с внутренним миром и мотивациями и таким образом как находящиеся вне непосредственного обладания и контроля. «Только такое положение дел делает возможной и мотивирует сознательную потребность и любопытство по отношению к вновь открытому внутреннему миру объекта с сопутствующей развивающейся способностью

компатическому пониманию. Открытие ребенком того, что любовь объекта не самоочевидна, но обусловлена его способом обращения с этой любовью, сместит акцент его тревоги утраты объекта (и Собственного Я) на тревогу утраты любви объекта. С этого момента начинают предприниматься попытки активно нравиться объекту, возрастает внимание к чувствам матери. Понимание «самостоятельности» в выборе объекта любви инициирует чувства благодарности, так как постоянность объекта делает теперь возможной нормальную идеализацию индивидуального объекта» [2, с. 110–111].

Таким образом, возвращаясь к описанию сущности и специфики устанавливаемых в рамках семьи границ, описываемых в контексте системного подхода, и рассматривая супружеские отношения с точки зрения развития объектных отношений, можно предположить, что основным критерием, детерминирующим ту или иную их разновидность, выступают переживания, связанные с достижением партнерами различных уровней дифференциации.

Так «возвращение» недифференцированного восприятия с сопутствующей утратой восприятия границ Собственного Я и объекта характерно для симбиотического типа взаимодействия в супружеской паре, в рамках которого партнеры образуют так называемое «симбиотическое единство». Ряд авторов указывают на тот факт, что основу экстремальной формы данного типа взаимоотношений составляет «фантазия слияния с матерью или объектом» или же «фантазия желания полного воссоединения с либидным объектом» (Jacobson, 1964; Maler, 1975), что может привести к полной потере границ переживания Собственного Я и объекта. Как правило, в подобных случаях супружеская пара рассматривается как «закрытая» для внешнего окружения. Примером функционирования подобного типа границ может служить так называемая «нарциссическая модальность» супружеского взаимодействия [4]. Основной характеристикой данного типа отношений является то значение или функция, которую, с точки зрения нарциссического индивида, должен выполнять партнер. При этом партнер никогда не выступает в качестве полноправного субъекта супружеских отношений, он не рассматривается как обладающий собственной уникальной идентичностью, индивидуальностью и автономией, представляя собой всего лишь средство для воплощения отношений между аспектами Я нарциссического индивида. В типичных случаях идеализированный партнер и его «придаток» (*сателлит*) в реальных отыгрыва-

ниях или в фантазии составляют пару или же формируют бессознательное «отражение», в котором каждый партнер воспроизводит другого. Они могут также, дополняя друг друга, совместно воссоздавать фантазийное и утраченное грандиозное идеальное целое. Потребность в подобном рода замещающем объекте формирует у нарциссического индивида определенного типа зависимость, которая бессознательно им отрицается. Признание собственной зависимости предполагает осознание слабости и несостоятельности. Поэтому существующая объективно и отрицаемая нарциссическими индивидами реальная зависимость от других людей принимает различные компенсаторные формы (чрезмерное возвеличивание собственной личности).

Еще одним примером патологического функционирования границ в супружеском взаимодействии может служить другая крайность — дистанцированность партнеров, обусловленная ригидностью установленных интрадиадных («внутренних») границ. Последние, в свою очередь, обеспечивают видимость защиты от «чрезмерной» диадической близости. Диффузная характер внешней границы пары также выполняет аналогичную функцию. Подобная модальность функционирования границ пары может быть рассмотрена как следствие недостаточной структурлизации психического аппарата на последующих этапах развития и, в первую очередь, связана с процессом достижения качественно нового уровня переживания Собственного Я и объекта — Константностью Собственного Я и объекта. Большинство определений «константности» объекта выделяют в качестве его существенно важного элемента и критерия установившуюся способность индивида сохранять стабильное психическое представление о либидном объекте, независимо от его присутствия или отсутствия, а также от изменяющихся состояний потребностей индивида (Hartmann, 1953; Maler, 1975; McDewitt, 1986). Однако основой для установления константности либидного объекта выступает необходимость добавочной структурлизации с установлением соответствующей константности в переживании Собственного Я. Установление ригидных «внутренних» границ в супружеском взаимодействии, таким образом, представляет собой попытку иллюзорного «восстановления» и «укрепления» границ Собственного Я и объекта.

Таким образом, признание ценности психоаналитической концепции процесса дифференциации в процессе структурлизации психического аппарата позволяет расширить границы исследовательских под-

ходов к изучению структуры и динамики семьи. Процесс *дифференциации* между Собственным Я и объектом представляет собой основополагающий механизм структурализации психического аппарата, а также рассматривается как необходимое условие для его дальнейшего развития. Появление переживания Собственного Я с индивидуальной идентичностью предполагает дифференцированное осознание, связанное с переживанием Собственного Я, а также осознание объектов своих собственными идентичностями, что становится возможным лишь при соответствующей реинтеграции результатов процессов первичной дифференциации и установлением Константности Собственного Я и объекта. В свою очередь, понимание диалектической взаимосвязи концепции «границ», получившей распространение в ряде направлений системной семейной психотерапии, и концепции дифференциации не только обогащает понятийный аппарат семейной психологии, но также позволяет вскрывать закономерности семейного функционирования, более тонко оценивать качество супружеских, детских и детско-родительских отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тайсон Ф., Тайсон Р. Психоаналитические теории развития. — Екатеринбург, 1998. С. 95.
2. Тэхэ В. Психика и развитие: психоаналитический подход. Пер. с англ. — М.: Академический Проект, 2001. 576 с.
3. Ackerman M. W. The Strength of family: Selected papers / Eds. D. Bloch, R. Simon; Ackerman institute for Family Therapy. — NY: Brunner / Mazel publisher, 1982.
4. Willi. La coesistenza di coppia. — Milano: Franko Angeli, 1993. 260 с.
5. Минухин С., Фишман Ч. Техники семейной терапии. Пер. с англ. А.Д. Морданского. — М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 304 с. — (Библиотека психологии и психотерапии).